

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

DOI: 10.15372/HSS20190410

УДК 94(470+571)“1887/1917”+314.18

В.А. ЗВЕРЕВ

ТРЕНДЫ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ЗА ТРИДЦАТЬ ЛЕТ (1887–1917)

Новосибирский государственный педагогический университет,
РФ, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилойская, 28
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье характеризуется историческая динамика смертности населения России, одного из важнейших демографических процессов за тридцатилетний период. Исчисленные автором ежегодные общие коэффициенты смертности в Западной и Восточной Сибири за 1887–1914 гг., на Дальнем Востоке за 1894–1914 гг. сопоставлены с показателями Европейской России. Учтены имеющиеся немногие данные за 1915–1917 гг. Доказано, что генеральным трендом демографической динамики в изучаемое время на востоке России являлось сокращение уровня смертности населения, что особенно ярко было выражено в городах. Поэтому можно утверждать, что на рубеже XIX и XX вв. не только в центре страны, но и на ее восточных окраинах разворачивалась начальная фаза демографического перехода, характеризовавшаяся опережающим снижением показателей смертности при более стабильном уровне рождаемости.

Ключевые слова: Дальний Восток России, Восточная Сибирь, Западная Сибирь, компаративный анализ, историческая динамика, демографические тренды, естественное движение населения, смертность населения, начало демографического перехода.

V.A. ZVEREV

TRENDS IN MORTALITY IN THE RUSSIAN EMPIRE EASTERN REGIONS OVER THIRTY YEARS (1887–1917)

Novosibirsk State Pedagogical University (NSPU),
28, Vilyuyskaya str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation
Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russia

The article shows the historical mortality rate – an important population processes – in East Russia at the end of the Imperial period. The annual overall mortality rates, calculated by the author, in West and East Siberia over the period 1887–1914, in the Far East for 1894–1914, as well as in some cities of these regions for 1902–1914, are summarized in time series and presented in tabular and graphs form. The author shows mortality indicators in the country's Trans-Ural suburbs against one another and the European Russia in year-to-year and phased 4–5-year dynamics. The paper reveals prevailing trends of changes with particular attention to the urban population which determined the demographic prospects during the period of the

Владимир Александрович Зверев – д-р ист. наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет; главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: sosna232@yandex.ru

Vladimir A. Zverev – Doctor of Historical Sciences, professor, Novosibirsk State Pedagogical University; Chief Researcher, Institute of History, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences.

country's emerging urbanization. The few available data for 1915–1917 are included. The analysis of time series proves the correctness of views made earlier by the author of this article and supported by historians V.A. Skubnevsky and Yu. M. Goncharov, that a general population trend was declining overall mortality during the studied period both in East Russia and in the country's center. It was particularly marked in cities, but was "camouflaged" by explosion of mortality rates in West Siberia taking place at the stages of increased agricultural immigration from European Russia. Perhaps, the mortality downward trend continued even at the early stages of the First World War. This is more evident in rural areas, but in large cities the mortality rate declined for two years after an extraordinary jump in 1915. Therefore, one can argue that the initial phase of the demographic transition was unfolding at the turn of the XIX and XX centuries, which was characterized by an advanced decrease in overall mortality rates with more stable birth rate not only in the center of the Russian Empire, but in its eastern regions as well.

Key words: Far East Russia, East Siberia, West Siberia, comparative analysis, historical dynamics, demographic trends, population natural movement, mortality, demographic transition start.

В новой и новейшей истории нашей страны было несколько периодов, когда происходили позитивные сдвиги в борьбе с избыточной, несвоевременной и неоправданной смертностью, или моральностью населения, которая господствовала веками. Возможно, первый такой период – время на рубеже XIX–XX вв., когда в результате усилий государственной власти и общества в Российской империи наметились начальные успехи, хотя и очень скромные. Историками установлено, что с 1880-х до 1900-х гг. летальность младенцев в возрасте до года сократилась с 268 до 250 на 1000 новорожденных, ожидаемая продолжительность жизни новорожденных возросла от 30 до 33,5 года [1, с. 622]. С 1880-х до 1910-х гг. доля детей, доживавших до среднего возраста родительства, увеличилась с 48 до 62 % (подсчитано по: [2, с. 676]). В период между 1884–1886 гг. и 1910–1914 гг. среднегодовое количество умерших на каждую тысячу россиян уменьшилось с 32,6 до 25,3 чел. [3, с. 119]. Такие изменения наряду с осторожными новациями в демографических структурах населения в области брачности, рождаемости, демографического поведения дают основание ведущим специалистам считать, что именно в конце XIX – начале XX в. Россия вслед за большинством европейских стран включилась в процесс демографической модернизации (демографического перехода). Уже в досоветский период были сделаны первые, еще робкие шаги на пути замены отживавшего свой век традиционного – затратного, малоэффективного типа воспроизводства населения современным – более гуманным и эффективным (см., напр.: [1, с. 621–625; 2, с. 674–676; 4, с. 62–64]). Мы полагаем, что на рубеже XIX–XX вв. симптомы улучшения ситуации со смертностью в той или иной степени наметились не только в центре страны, но и на ее окраинах (по крайней мере, некоторых). Вдохновляясь этой гипотезой, в настоящей статье автор раскрывает количественные параметры смертности населения восточных регионов России конца имперского периода в их сравнении с Европейской Россией, анализируя их в исторической погодовой и поэтапной динамике, выявляет господствовавшие в 1880–1910-х гг. тренды происходивших изменений. Особое внимание обращается на городское население, которое определяло демографические перспективы в период наметившейся урбанизации страны.

Необходимость специальной разработки заявленной темы определяется тем фактом, что высказан-

ное ранее автором настоящей статьи и поддержанное историками В.А. Скубневским и Ю.М. Гончаровым положение о наличии в конце XIX – начале XX в. признаков сокращения смертности населения в восточных регионах России, и в селениях, и в городах (см., напр.: [5, с. 132–136; 6, с. 64–66; 7, с. 81–82]), пока не нашло полной поддержки в научном сообществе. Сомнения историков зиждутся на их представлениях: а) о плохом состоянии учета естественного движения населения и, в частности, смертности на восточных окраинах России, что якобы не позволяет достоверно судить о динамике показателей воспроизводства населения; б) о неудовлетворительном состоянии в зауральской глуши системы здравоохранения и санитарно-гигиенической культуры населения, блокировавшем сокращение заболеваемости и смертности; в) о сохранении вплоть до революционных событий 1917 г. и позже высоких показателей смертности, их сильных колебаниях не только вниз, но и вверх при погодовом и поэтапном рассмотрении (см., напр.: [8, с. 208–212; 9, с. 31–34; 10, с. 96–97]). Впрочем, все специалисты признают, что на рубеже XIX–XX вв. в зауральских регионах Российской империи формировалась сеть медицинских и образовательных учреждений, происходили некоторые положительные сдвиги в медицинском обслуживании, санитарной культуре и витальном поведении людей, в первую очередь горожан. Это не могло не создавать предпосылок для снижения уровня смертности населения. Но имело ли место таковое снижение как реально господствовавшая тенденция? Можно ли говорить о том, что на рубеже столетий не только в центре, но и на восточных окраинах России формировалась начальная фаза демографического перехода, характеризующаяся опережающим снижением показателей смертности при относительно стабильном уровне рождаемости [11, с. 241]?

В поисках источников информации, необходимой для ответа на эти вопросы, мы обратились прежде всего к данным об общей численности населения и количестве умерших во всех российских губерниях и областях, ежегодно получаемым от региональных статистических органов, уточнявшимся и публиковавшимся центральным врачебным ведомством Российской империи – медицинским департаментом Министерства внутренних дел (в 1904 г. департамент преобразован в Управление главного врачебного ин-

спектора). Публикация этим ведомством статистики, собранной на восточных окраинах страны, означала, что имперские специалисты признали ее в достаточной степени надежной. Авторитетный советский демограф Р.И. Сифман охотно обращалась к ней при изучении региональной специфики воспроизводства населения в царской России. «Что же касается достоверности учета общего числа родившихся и умерших, то по большинству сибирских губерний [на рубеже XIX–XX вв.] оно вызывает не большие сомнения, чем по ряду губерний Европейской России», – считала Р.И. Сифман и приводила доказательства того, что «регистрация естественного движения населения Сибири достигла к началу XX в. уже довольно большой полноты» [12, с. 71–72]. Под Сибирью понималась в данном случае практически вся территория на востоке страны от Урала до Тихого океана.

В настоящей статье эта территория разделена на несколько историко-географических регионов, каждый из них объединяет ряд существовавших в изучаемый период административных образований. Западная Сибирь рассматривается в границах Акмолинской области, Тобольской и Томской губерний. Восточная Сибирь охватывает Забайкальскую область, Иркутскую и Енисейскую губернии. Выделен также Дальний Восток, в конце XIX в. включавший Амурскую, Приморскую, Якутскую области и о. Сахалин. Начиная с 1909 г. в Дальневосточном регионе мы учитываем Камчатскую область, выделенную из Приморья, и Сахалинскую область, учрежденную в северной части острова, оставшейся в составе России после Русско-японской войны.

При сравнительной характеристике динамики смертности населения в зауральских регионах в качестве своеобразного эталона мы привлекаем Европейскую Россию, являвшуюся демографическим центром страны и лучше исследованную в историко-демографическом плане. В трудах Б.Н. Миронова (см., напр.: [1, с. 595–625]), А.Г. Вишневого и его коллег (см., напр.: [4, с. 257–396]) и других ученых демографическая ситуация в Европейской России имперского периода, в том числе уровень смертности населения здесь, фактически трактуется как общероссийская ситуация. Однако в реальности демография восточных окраин имела свою специфику, и мы это покажем далее на примере динамики смертности населения.

Настоящая статья охватывает период 1887–1917 гг., достаточно длительный, чтобы могли отчетливо проявиться себя тренды динамики естественного движения населения, в том числе изменений уровня смертности. По большей части этого периода имеются необходимые для демографических расчетов ежегодные статистические данные по всем губерниям и областям. Они отсутствуют только применительно к Дальнему Востоку для 1887–1893 гг., когда сведения об естественном движении местного населения не принимались в расчет медицинским департаментом МВД. Кроме того, за 1896–1901 гг. есть только сводные данные, не дифференцированные по горо-

дам и селениям. И, конечно, налицо большие проблемы у всех регионов России с данными о смертности в 1915–1917 гг., когда их систематический сбор и публикация были фактически свернуты в связи с напряженной политической обстановкой.

Начиная исследование, мы сгруппировали губернские и областные данные центрального медицинского ведомства за 1887–1914 гг. по интересующим нас регионам, затем по каждому из них высчитали общие коэффициенты смертности – количество умерших, приходившихся на тысячу жителей¹. Принималась во внимание среднегодовая численность населения, определявшаяся путем суммирования количества жителей в начале и конце года с последующим делением полученного результата пополам. Общие коэффициенты смертности за каждый год, которые обозначаются демографами с помощью символа ‰ (промилле, «на тысячу»), сведены в табл. 1. Вычисление именно общих коэффициентов, а не каких-то иных показателей смертности в данном случае объясняется следующим обстоятельством. Согласно схеме развития демографического перехода в разных регионах мира, используемой в демографических прогнозах ООН, устойчивое снижение именно общих коэффициентов смертности, которое опережает сокращение общих коэффициентов рождаемости, является главным признаком начальной фазы демографического перехода [11, с. 241; 13, с. 116]. Выяснив, имело ли место такое сокращение на рубеже XIX–XX вв. на восточных окраинах страны, можно определенно судить о времени начала здесь демографического перехода.

Первое, что обнаруживается при анализе данных табл. 1, – очень высокий уровень смертности населе-

¹ Показатели, помещенные во всех таблицах, рисунках, а также в тексте настоящей статьи, если их происхождение не оговорено особо, исчислены по источникам: Отчет Медицинского департамента за 1886 г. СПб., 1888. С. 8–14; Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1887 г. СПб., 1889. С. 9, 19, 22; Отчет Медицинского департамента... за 1888 г. СПб., 1891. С. 18–19, 94, 102–110; Отчет Медицинского департамента... за 1889 г. СПб., 1891. С. 134, 146–158; Отчет Медицинского департамента... за 1890 г. СПб., 1893. С. 106–109, 118–133; Отчет Медицинского департамента... за 1891 г. СПб., 1894. С. 106–109, 118–133; Отчет Медицинского департамента... за 1892 г. СПб., 1896. С. 106–109, 118–133; Отчет Медицинского департамента... за 1893–1895 гг. СПб., 1898. Ч. 1. С. 192–211, 258–277; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1896–1901 гг. СПб., 1905. С. 74, 80, 104 (3-я паг.); Отчет о состоянии... за 1902 г. СПб., 1904. С. 28–29, 54–55 (3-я паг.); Отчет о состоянии... за 1903 г. СПб., 1905. С. 28–29, 54–55 (3-я паг.); Отчет о состоянии... за 1904 г. СПб., 1906. С. 28–29, 54–55 (3-я паг.); Отчет о состоянии... за 1905 г. СПб., 1907. С. 28–29, 54–55 (3-я паг.); Отчет о состоянии... за 1906 г. СПб., 1908. С. 30–31, 58–59 (3-я паг.); Отчет о состоянии... за 1907 г.: таблицы. СПб., 1909. С. 35, 67; Отчет о состоянии... за 1908 г.: таблицы. СПб., 1910. С. 35, 67; Отчет о состоянии... за 1909 г. СПб., 1911. С. 34–35, 66–67 (3-я паг.); Отчет о состоянии... за 1910 г. СПб., 1912. С. 34–35, 66–67 (3-я паг.); Отчет о состоянии... за 1911 г. СПб., 1913. Ч. 2. С. 66–67, 98–99; Отчет о состоянии... за 1912 г. Пг., 1914. Ч. 2. С. 66–67, 98–99; Отчет о состоянии... за 1913 г. Пг., 1915. С. 66–67, 98–99 (3-я паг.); Отчет о состоянии... за 1914 г. Пг., 1916. С. 34–35, 66–67 (3-я паг.).

Т а б л и ц а 1

Ежегодная смертность населения в центре и восточных регионах Российской империи, %

Год	Европейская Россия	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Дальний Восток
1887	32	32,6	42*	...
1888	31,6	35,5	38,3*	...
1889	33,7	32,6	32,7	...
1890	34,5	32,2	32,1	...
1891	33,4	33	31,3	...
1892	38,4	49,4	31,3	...
1893	32,2	31,3	32,2	...
1894	32,5	34	34,1	20,7
1895	32,7	34,4	34,9	23,9
1896	31,6	34,4	35,2	24,5**
1897	30,5	28,5	32,9	21,2
1898	31,2	30,5	32,6	19,3
1899	29,2	32,2	32,6	23,9
1900	29,2	37,3	33,8	25,3
1901	30,3	30,1	31,2	24,7
1902	29,9	32,6	30,1	22
1903	28,6	26,6	31,1	24,3
1904	28,6	35,2	31,4	20,4
1905	30,5	30	33	23,5
1906	28,8	34,3	28,5	23,8
1907	27,4	34,1	30,5	24
1908	27,2	34,7	33,7	23,9
1909	28,4	36,7	32,7	21,1
1910	29,8	34	32,3	22,5
1911	26	32,3	28,1	23,1
1912	25,1	32,3	29,2	22,2
1913	24,9	33,3	29,3	17,4
1914	22,5	31,7	29,1	20,2

*По данным Иркутской и Енисейской губерний, где проживало около 60 % населения региона.

**По данным Якутской и Амурской областей, где проживало 66 % населения региона.

ния и в демографическом центре, и во всех регионах на востоке страны, который держался в течение всего изучаемого периода. Такие показатели смертности определялись в первую очередь огромными масштабами смертности младенцев и младших детей. На востоке России в начале XX в. около половины всех умерших не доживало после своего рождения до одного года, шесть-семь человек из каждого десятка умерших были детьми в возрасте до 5 лет [5, с. 132–134]. Это яркая черта традиционного – аграрного, крестьянского, экстенсивного, затратного, неэффективного по своей сути – типа воспроизводства населения, который тогда доминировал в России. В среднем за 28 лет наибольший коэффициент смертности высчитывается для Восточной Сибири (32,5 ‰), в Западной Сибири он был немного ниже (32,3 ‰), но ежегодные показатели на сибирском западе только дважды опустились ниже 30 ‰. На Дальнем Востоке в 1894–1914 гг. среднегодовой коэффициент смертности составил 22,5 ‰. Это был

единственный регион на востоке страны, смертность в котором была ниже, чем в Европейской России, где средний показатель за 1887–1914 гг. составлял 30 ‰. Пониженная смертность на Дальнем Востоке объясняется особенностями фронтального региона с высокой долей городского и военизированного, в том числе казачьего, населения. По данным 1911 г., горожане составляли здесь 25,5 % жителей, что на 12 % больше, чем в Восточной Сибири, и на 17 % больше, чем в Западной. Города и казачьи станицы обладали лучшей, чем крестьянские местности, постановкой медицинского и школьного дела, имели среди жителей повышенную долю лиц среднего возраста, относительно слабо подверженных смертности.

Рассматривая данные табл. 1, нетрудно увидеть колебания годовых показателей смертности (например, их рост в годы политических потрясений, уменьшение при сокращении масштабов иммиграции в тот или иной регион), но практически невозможно уловить

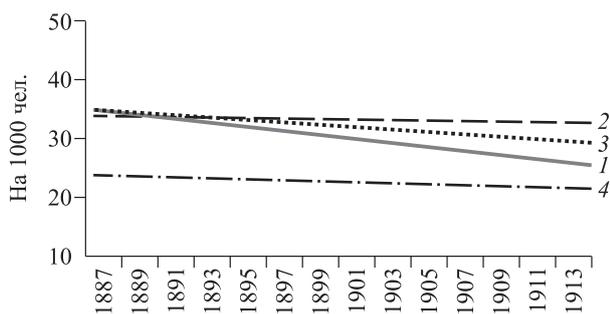

Рис. 1. Тренды динамики смертности населения в центре и восточных регионах Российской империи.

1 – Европейская Россия; 2 – Западная Сибирь; 3 – Восточная Сибирь; 4 – Дальний Восток

в происходивших изменениях господствующую тенденцию, а ведь именно это необходимо сделать для решения поставленных в статье задач. Положение можно исправить, построив на основе табличных данных график, показывающий экспоненциальные тренды той динамики, которая наблюдалась во всех выделенных нами регионах (рис. 1).

График весьма наглядно свидетельствует, что во всех восточных регионах России, как и в Европейской России, в 1887–1914 гг. происходило сокращение общих коэффициентов смертности населения. В центре страны этот процесс происходил наиболее быстрыми темпами. На азиатских территориях наиболее впечатляющая понижающая динамика была характерна для Восточной Сибири: линия тренда, стартовав на уровне 35 ‰, «пробила» к концу периода 30 ‰-ный барьер. На Дальнем Востоке сокращение смертности также хорошо выражено. В Западной Сибири, наиболее многолюдном и плотно заселенном зауральском регионе страны, линия тренда фиксирует менее заметное снижение смертности, чем на соседних восточных территориях, и этот факт требует объяснения.

Объяснение мы находим в специфике структуры народонаселения Западной Сибири, сложившейся в конце XIX – начале XX в. Здесь большую долю составляли новоселы, прибывшие в зауральский регион из Европейской России совсем недавно. Преимущественно аграрное по своему характеру переселенческое движение на восточные окраины России, в основном в Западную Сибирь, стало нарастать с середины 1880-х гг., достигнув своего первого пика в 1890-х гг. [13]. В 1901–1905 гг. оно пережило многократный спад, вызванный неурожаями, обострением общественно-политической обстановки в стране, административными препонами, а в годы Столыпинской аграрной реформы снова бурно развивалось, достигнув в 1906–1909 гг. наивысших для имперского периода масштабов. Количество новоселов в Западной Сибири волнообразно увеличивалось. По данным 1914 г., около трети жителей региона составляли люди, переселившиеся сюда из Европейской России совсем недавно, после 1896 г. (подсчитано по: [14, с. 33, 67]).

Среда сибирских новоселов обладала яркими демографическими особенностями, в том числе непомерно высоким уровнем смертности, что объяснялось бедностью большинства семей мигрантов, наличием большого количества детей, легко подверженных заболеваемости, неблагоприятными условиями для переселения, трудностями обустройства в суровых сибирских условиях. Разумеется, вместе с ростом доли новоселов в населении усиливалось их влияние на общую демографическую обстановку в регионе, в частности, выражавшееся в повышении региональных показателей смертности. В Западной Сибири периоды усиленного переселенческого движения характеризуются всплесками смертности, которые сменялись спадами в те годы, когда миграционный приток ослабевал.

Продемонстрируем эту закономерность данными о динамике смертности сельского населения в Томской губернии, роль которой в приеме аграрных мигрантов в изучаемый период была беспрецедентной: здесь осела примерно половина всех участников переселенческого движения на восточные окраины страны. Чтобы раскрыть хронологические изменения показателей смертности населения в общем виде, нивелируя экстраординарные реалии конкретного года, сгруппируем данные в 4–5-летние этапы и представим их на графике (рис. 2). Показатели за 1887–1890, 1891–1895, 1902–1905, 1906–1909 и 1910–1914 гг. здесь вычислены как средние арифметические всех годовых показателей на каждом этапе. К сожалению, период с 1896 по 1901 г. «выпадает» из графика, поскольку использованные нами источники не дают сведений о смертности сельского населения в эти годы.

Прежде чем обратиться к Томской губернии, посмотрим, как на рис. 2 выглядит динамика смертности сельского населения Иркутской губернии, в которой новоселов было немного: в 1896–1913 гг. сюда прибыло всего 3,2 % крестьян, переселившихся на восток страны [15, с. 12]. Влияние мигрантов на демографию этого субрегиона не просматривается: смертность в селениях последовательно понижается от одного 4–5-летнего этапа к другому. Примерно так же выглядела ситуация в большинстве других губерний и об-

Рис. 2. Динамика смертности сельского населения Томской и Иркутской губерний по периодам

ластей на восточных окраинах России, что сказывалось и на отмеченной выше понижающей динамике смертности.

Другое дело – Томская губерния. На рис. 2 показано, что в здешних селениях дважды в течение изучаемого периода сильно поднимался уровень смертности населения – в 1890-е и в 1906–1909 гг., как раз в моменты усиления массового переселенческого движения. Всплески смертности сменялись ее временным понижением в условиях уменьшения масштабов иммиграции в начале XX в. и накануне Первой мировой войны. Однако в целом в сельской местности Томской губернии со временем смертность населения повышалась, и это можно объяснить только усилившейся концентрацией новоселов и ростом их влияния на демографическую специфику субрегиона. Анализ имеющихся в нашем распоряжении статистических данных показывает, что в сельской местности Акмолинской области (она тоже приняла довольно много аграрных мигрантов) в изучаемый период наблюдалась динамика смертности, похожая в некоторой степени на ту, что развивалась в селениях Томской губернии. Этот факт и обусловил зафиксированные на рис. 1 низкие темпы снижения смертности населения в целом по Западной Сибири. Однако указанное снижение все же происходило. У мигрантов, обустроившихся на новых местах, через несколько лет после переселения сокращалась заболеваемость и смертность. Однако, как мы увидим ниже, решающую роль в уменьшении показателей смертности в Западной Сибири, как и повсеместно в России, играло активное снижение смертности городского населения.

Динамику смертности городского населения на восточных окраинах России в 1902–1914 гг. рассмотрим по данным табл. 2. Обращает на себя внимание очень высокое значение общих коэффициентов смертности в городах: средний показатель по Западной Си-

бири составлял 37,4 %, по Восточной – 34,4, на Дальнем Востоке – 24,5 %. Эти значения выше показателей смертности во всем населении соответствующих регионов. Значит, на протяжении основной части изучаемого периода смертность в городах была выше, чем в сельских поселениях. Причины этому можно видеть прежде всего в неблагоприятных социальных, экономических, экологических и бытовых условиях жизни большинства горожан, их нездоровом образе жизни. Дальневосточный регион был единственным на востоке страны, где городское население имело более низкий уровень смертности, чем в Европейской России, где он составлял 27,7 %.

Вследствие постоянных колебаний погодных показателей табл. 2 не позволяет увидеть генеральные направления тех изменений, которые происходили в начале XX в. в уровне смертности городского населения в регионах. Поэтому построим график с нанесенными на него линиями экспоненциальных трендов (рис. 3). Этот график красноречиво и бесспорно свидетельствует о том, что в изучаемый период в городах всех восточных регионов страны происходило довольно быстрое, более интенсивное, чем во всем их населении, сокращение смертности жителей. В Западной и особенно в Восточной Сибири этот процесс шел даже быстрее, чем в Европейской России. На Дальнем Востоке он развивался медленнее, но там и без того показатели были самыми низкими.

Итак, уровень смертности населения городов Российской империи накануне Первой мировой войны достиг своего исторического минимума. Наши расчеты показывают, что на Дальнем Востоке в начале XX в. смертность городского и сельского населения держалась на близком уровне. В Восточной и Западной Сибири в 1910–1914 гг. впервые коэффициенты смертности горожан стали ниже, чем у сельчан. В Европейской же России это произошло раньше. По край-

Т а б л и ц а 2

Ежегодная смертность городского населения в центре и восточных регионах Российской империи в 1902–1914 гг., %

Год	Европейская Россия	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Дальний Восток
1902	25,8	36,6	32,6	25,4
1903	25,9	28,3	33,7	20,2
1904	26,7	37,6	32,4	20,7
1905	27,6	30,8	40,5	23,4
1906	26,6	43	37,2	28,5
1907	27,5	45,8	36	26,1
1908	26,9	34,1	33,4	22,6
1909	27,9	38,4	32,3	18,5
1910	26,7	41,4	29,4	19,8
1911	24,2	31,9	29,5	21,7
1912	23,7	26,7	26,7	26,8
1913	22,1	28,1	23,7	18,6
1914	20,7	26	25,3	21,1

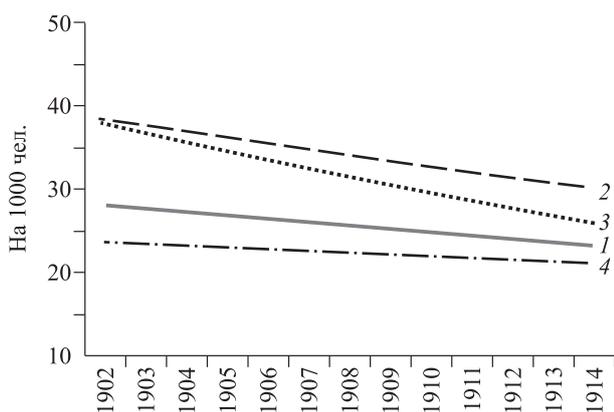

Рис. 3. Тренды динамики смертности городского населения в центре и восточных регионах Российской империи

1 – Европейская Россия; 2 – Западная Сибирь; 3 – Восточная Сибирь; 4 – Дальний Восток

ней мере, более низкая смертность в городах здесь стабильно удерживалась в начале XX в. Разумеется, и к востоку, и к западу от Урала такой расклад стал следствием опережающего развития системы медицинского обслуживания и санитарно-гигиенического просвещения жителей городов.

В период Первой мировой войны смертность на восточных окраинах России, как и во всей стране, определяло противоборство двух противоположно направленных факторов. С одной стороны, война привела к резкому ухудшению экономических, социокультурных и психологических условий жизни населения, что неизбежно предопределяло рост его заболеваемости и смертности. Вместе с тем, призыв в войска большей части молодых и зрелых мужчин, интенсификация трудовых процессов в тыловых районах приводили к уменьшению рождаемости и, значит, к сокращению младенческой и детской смертности (не родившись, дети не могли и умереть). Поскольку именно младенческая и детская смертность определяла в имперский период общий уровень смертности, ее сокращение понижающим образом воздействовало на этот общий уровень.

В годы Первой мировой войны учет демографических событий в России велся неудовлетворительно, что не позволяет исследователям в полной мере выяснить общие результаты противоборства двух указанных тенденций, составив полноценные динамические ряды годовых показателей и определив на их основе генеральные тренды динамики смертности населения в центре страны и на ее окраинах. В нашем распоряжении имеются только данные за некоторые годы по отдельным городам и сельским местностям, исчисленные по разным методикам. При изучении материалов, относящихся к Западной Сибири, где проживало две трети населения всех восточных регионов, складывается впечатление, что в сельской местности и в малых городах в годы войны по сравнению с довоенным временем смертность существенно снизилась, и это могло предопределить ее сокраще-

ние в целом по губерниям и областям. Так, в 1915 г. в селениях Акмолинской области смертность составила 17,1 ‰². В 1917 г. в деревнях Томской губернии (без Алтая) соответствующий показатель равнялся 16,7 ‰³, в целом же по губернии – 26 ‰ [16, с. 100–110], что было ниже предвоенного уровня на несколько пунктов.

В крупных городах, где размещались в скученном состоянии мобилизованные воины, были сосредоточены эвакогоспитали, лагеря военнопленных и пункты приема беженцев, здоровье которых подвергалось усиленной опасности, смертность в начале войны заметно увеличилась, но потом вплоть до 1919 г. возобновился процесс ее снижения, характерный для довоенного периода. В 1915 г. в Тобольске умерло 49,2 чел. на каждую тысячу жителей⁴, в Томске – 46,1 [17, с. 115]. В 1916 г. в Омске общий коэффициент смертности составлял 31 ‰ [18, с. 6]. В Новониколаевске смертность в 1915 г. была на уровне 37,5 ‰, в 1916 г. она снизилась до 30,7, а в 1917 г. – даже до 23,2 ‰, что на 10 пунктов оказалось ниже среднего показателя за 1910–1914 гг.⁵

Итак, в последнее тридцатилетие перед революционными событиями 1917 г. в восточных регионах Российской империи, как и в Европейской России, один из генеральных трендов демографической динамики отражал сокращение уровня смертности населения, что особенно ярко было выражено в городах. Такая тенденция, возможно, продолжала «работать» даже на начальном этапе Первой мировой войны. В сельской местности это было более очевидно, но и в больших городах после экстраординарного всплеска, произошедшего в 1915 г., уровень смертности населения в течение двух последующих лет снижался. Поэтому с полным основанием можно утверждать, что на рубеже XIX и XX вв. не только в центре страны, но и на ее восточных окраинах разворачивалась начальная фаза демографического перехода. Получено новое подтверждение того факта, что «Сибирь не была регионом «третьего эшелона» в переходе от традиционного к современному типу воспроизводства населения» [19, с. 9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1. 896 с.
2. Российская Федерация // Демографическая энциклопедия. М.: Энцикл., 2013. С. 672–720.
3. Зверев В.А. «Родится на смерть, умрет на живот»: естественное движение населения Сибири за 30 лет (1884–1914) // Современ-

² Подсчитано по: Обзор Акмолинской обл. за 1915 г. Омск, 1917. С. 8–9.

³ Подсчитано по: Сборник статистических материалов по уездам, округам и районам в границах бывшей Томской губ. за 1917, 1920, 1923, 1924 и 1925 гг. Томск, 1928. С. 185–186.

⁴ Подсчитано по: Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И-352. Оп. 1. Д. 2131. Л. 1–22.

⁵ Подсчитано по: Весь Новониколаевск: адресно-справочная книга с краткой историей и планом города, 1924–1925 гг. Новониколаевск, 1925. Отд. 1. С. 32.

ное историческое сибиреведение XVII – начала XX в. Барнаул: Азбука, 2008. Вып. 2. С. 107–124.

4. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое изд-во, 2006. 608 с.

5. Зверев В.А. Воспроизводство сибирского населения на начальном этапе демографического перехода в России // «Сибирь – мой край...»: проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. С. 130–153.

6. Зверев В.А. Воспроизводство населения в Азиатской России: историческая динамика конца XIX – начала XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24, № 4. С. 63–68.

7. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул: ИП «Колмогоров И.А.», 2014. 252 с.

8. Свищёв П.А. Народонаселение Зауралья конца XIX – начала XX в. // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Курган: КГУ: Обл. о-во краеведов, 1997. Вып. 20. С. 193–219.

9. Сагайдачный А.Н. Демографические процессы в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2000. 38 с.

10. Исупов В.А. К вопросу о начальном этапе демографического перехода в России // Сибиряки: региональное сообщество в историческом и образовательном пространстве. Новосибирск: НГПУ, 2009. С. 96–104.

11. Демографический переход // Демографическая энциклопедия. М.: Энцикл., 2013. С. 241–242.

12. Сифман Р.И. Динамика численности населения в России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М.: Статистика, 1977. С. 62–82.

13. Иванов С.Ф. Демографический переход // Демографический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1985. С. 115–117.

14. Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.) / отв. ред. В. А. Исупов. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2017. 350 с.

15. Горюшкин Л.М. Переселенческое движение и народонаселение Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск: Ин-т истории, филол. и филос. СО АН СССР, 1989. 52 с.

16. Мерхалёв Д.И. Рождаемость за время войны и революции в Сибири // Сборник Сибирского статистического управления. Новониколаевск: Сиб. стат. упр., 1922. Т. 2. С. 94–111.

17. Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX в.: управление, экономика, население. Томск: ТГУ, 2000. 284 с.

18. Клячкин В.Е. Естественное движение населения г. Омска по параллельным данным за 1913, 1916, 1923–1926 гг. Омск: Сиб-крайздрав. Окр. здравотдел, 1928. 50 с.

19. Миронов Б.Н. Сибиреведение сегодня // Сибиряки: региональное сообщество в историческом и образовательном пространстве. Новосибирск: НГПУ, 2009. С. 5–13.

REFERENCES

1. Mironov B. N. The Russian Empire: from tradition to modernity. Vol. 1. Saint Petersburg, 2014, 896 p. (In Russ.)

2. Russian Federation. *Demograficheskaya entsiklopediya*. Moscow, 2013, pp. 672–720. (In Russ.)

3. Zverev V. A. “Born to death, die for life”: the natural movement of population in Siberia over 30 years (1884–1914). *Sovremennoe istoricheskoe sibirvedenie XVII – nachala XX v.* Barnaul, 2008, pp. 107–124. (In Russ.)

4. Vishnevskiy A. G. (ed.) Demographic modernization of Russia, 1900–2000. Moscow, 2006. 608 p. (In Russ.)

5. Zverev V. A. Reproduction of Siberian population at the initial stage of the demographic transition in Russia. «Sibir' – moy kray...»: *problemy regional'noy istorii i istoricheskogo obrazovaniya*. Novosibirsk, 1999, pp. 130–153. (In Russ.)

6. Zverev V. A. Reproduction of population in Asiatic Russia: historical dynamics of the late XIX – early XX centuries. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2017, no. 4, pp. 63–68. (In Russ.)

7. Skubnevskiy V. A., Goncharov Yu. M. West Siberian cities in the second-half XIX – early XX centuries. Population. Economy. Building and improvement. Barnaul, 2014, 252 p. (In Russ.)

8. Svishchyov P. A. Trans-Ural population of the late XIX – early XX centuries. *Zemlya Kurganskaya: proshloe i nastoyashchee*. Kurgan, 1997, vol. 20, pp. 193–219. (In Russ.)

9. Sagaidachnyy A. N. Demographic processes in West Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries: diss. abstr. Novosibirsk, 2000, 38 p. (In Russ.)

10. Isupov V. A. On the problem of the demographic transition's initial stage in Russia. *Sibiriyaki: regional'noe soobshchestvo v istoricheskoy i obrazovatel'nom prostranstve*. Novosibirsk, 2009, pp. 96–104. (In Russ.)

11. Demographic transition. *Demograficheskaya entsiklopediya*. Moscow, 2013, pp. 241–242. (In Russ.)

12. Sifman R. I. Population dynamics in Russia in 1897–1914. *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR*. Moscow, 1977, pp. 62–82. (In Russ.)

13. Ivanov S. F. Demographic transition. *Demograficheskij entsiklopedicheskiy slovar'*. Moscow, 1985, pp. 115–117. (In Russ.)

14. Isupov V. A. (ed.) The demographic history of West Siberia (the late XIX – XX centuries). Novosibirsk, 2017, 350 p. (In Russ.)

15. Goryushkin L. M. Migration movement and population of Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries. Novosibirsk, 1989, 52 p. (In Russ.)

16. Merkhalyov D. I. The birth rate during the war and the revolution in Siberia. *Sbornik Sibirskogo statisticheskogo upravleniya*. Novonikolaevsk, 1922, vol. 2, pp. 94–111. (In Russ.)

17. Dmitrienko N. M. Siberian city Tomsk in the XIX – first third XX centuries: governance, economy, population. Tomsk, 2000, 284 p. (In Russ.)

18. Klyachkin V. E. The natural movement of population in Omsk according to parallel data for 1913, 1916, 1923–1926. Omsk, 1928, 50 p. (In Russ.)

19. Mironov B. N. The study of Siberia today. *Sibiriyaki: regional'noe soobshchestvo v istoricheskoy i obrazovatel'nom prostranstve*. Novosibirsk, 2009, pp. 5–13. (In Russ.)

Статья принята редакцией 27.06.2019